
Возможности эстетического воспитания в экологическом туризме

Родоман Б.Б.

Познавательный экологический туризм должен приучать участников походов и экскурсий замечать, ценить, беречь, искать, находить, создавать красоту в культурном и природном ландшафте, не мириться с безобразием, уродливостью окружающей среды.

Ключевые слова: экологическое и эстетическое воспитание, экологический туризм, ландшафт, ландшафтная эстетика

Educational eco-tourism should habituate hikers and sightseers to notice, appreciate, keep, find and create beauty in cultural and natural landscape, doesn't admit deformation and ugliness of environment.

Key words: ecological and aesthetic education, eco-tourism, landscape, landscape aesthetics

Под открытым небом, в окружении более или менее естественного ландшафта, в туристских походах, на прогулках и экскурсиях, в самоорганизованных коллективах [8], сложившихся в ходе преодоления закаливающих препятствий и трудностей, решаются задачи гуманистичного экологического воспитания и формируются прекрасные человеческие качества гораздо лучше, чем при целеустремленных занятиях в учебных помещениях по программам, расчлененным на уроки и предметы. Сама природная среда делает людей хорошими, если они обращаются с ней бережно, любовно, уважительно; если за контакты с нею они заплатили собственными усилиями — физическими и душевными [6].

Экологический туризм [1] предполагает активное передвижение людей ради контакта прежде всего с *природным ландшафтом*, который потребляется главным образом информационно, духовно как источник знаний и впечатлений, а не сырья и товаров, без присвоения и разрушения природных ресурсов посетителями. Аналогичные впечатления мы получаем в музеях и на выставках, но, как известно, «восторги от созерцания природы выше, чем от искусства» (П.И.Чайковский). Природный ландшафт неотделим от ландшафта *антропогенного* (в том или ином смысле *культурного* — созданного людьми — городского, сельского, усадебного и т.д.).

Экологичное эстетическое воспитание, связанное с туризмом, призвано приучать подрастающее поколение замечать, ценить, беречь, искать, находить и творить прекрасное, а также не мириться с безобразием, преодолевать и смягчать душевнораздирающий контраст между естественной, присущей большинству людей тягой к красивым вещам в сфере престижного потребления продуктов искусства и техники и равнодушием к красоте и безобразию в окружающей среде.

1. Замечать прекрасное в ландшафте лучше удастся тому, кто одержим страстью к путешествиям, жадно «заглядывает за горизонт», способен обсуждать и сравнивать увиденное. В отличие от традиционной эстетики, обращавшей внимание на движимые вещи, мелкие элементы пейзажа, отдельные сооружения и здания, их интерьер и т.п., *ландшафтная эстетика* имеет дело со всей совокупностью такого рода

вещей, которые сами по себе, вне ландшафтного контекста, не имеют для наблюдателя решающего значения [3].

Обучению ландшафтной эстетике несомненно способствует фотография, но ее роль весьма противоречива. Сегодня каждый с помощью Интернета может увидеть на экране самые красивые и профессионально поданные пейзажи со всех уголков земного шара. С другой стороны, сделанные на ходу любительские фотографии и видеофильмы давно уже стали «демяновой ухой», которой вернувшийся из путешествия турист потчует своих гостей. Не ведет ли этот визуально-информационный потоп к пресыщению и приглушению чувств?

Обычный любительский фотоснимок выхватывает весьма малую (по угловым размерам) часть окружающего мира. Для дистанционного знакомства с ландшафтом нужны *панорамные фотоснимки*, сделанные с возвышенных точек или с вертолета, пригодные для медленного, вдумчивого рассматривания и изучения; снабженные пояснительными надписями, относящимися к деталям изображения; сопровождающиеся топографическими и тематическими картами, профилями, блокдиаграммами той же местности. По таким снимкам, используемым в качестве учебных пособий, можно писать целые сочинения. Некоторой заменой познавательному туризму могут быть *кругопанорамные кабины и видеопилоты*, выложенные внутри сменяющимися слайдами или одним круговым киноэкраном, но никакое виртуальное зрелище не заменит личного опыта путешествий, необходимого для усвоения и понимания увиденного.

2. Ценить прекрасное в ландшафте — это значит, между прочим, восторгаться его красотой не меньше, чем ювелирными изделиями; отказаться от покупки какого-нибудь коврика или ковра, не потратиться на дальнейшее путешествие, чтобы в течение нескольких минут любоваться дивным видом. В обществе, охваченном товарно-денежным ажиотажем, настоящую ценность имеет лишь то, что можно купить и продать, за что надо заплатить большие деньги.

А то, что достается очень дешево или почти даром, ценою никем не учтенных усилий, считается неинтересным и непрестижным, как например, пешие туристские походы.

Вместе с тем, у нас в России распространено и особого рода не совсем товарное понимание ценности земли. Запретный плод прекрасен. Престижным и прекрасным считается то, что скрыто от народа, доступно только «элите», начальству, богачам. Огородите типичный, ничем не выделяющийся лес, объявите его заповедником, оснастите запрещающими надписями и призывами охранять исчезающее и редкое, — тотчас же туда кинутся посторонние посетители и браконьеры, население проделает в изгородях дыры, а разные ведомства и лица будут добиваться разрешения построить там какие-нибудь свои объекты «в порядке исключения». Выдача таких разрешений стала коррупционной практикой учреждений, ведающих охраной природы и памятников культуры.

3. Беречь красоту в ландшафте — значит, прежде всего, не уничтожать те элементы, детали, условия, которые делают его красивым. Красоту пейзажей в средней полосе России создали речные долины и поймы, лесные поляны и опушки, кустарники и мелколесья у ручьев и оврагов, дороги-аллеи, одичавшие сады и кусты на месте исчезнувших домов, склоны моренных холмов, пруды, старые деревни и хутора с многоярусной растительностью дворов и улиц, храмы, бывшие усадьбы и парки. В советское время почти все эти объекты считались бесполезными для колхозно-совхозного сельского хозяйства; мелиораторы и строители вели на них настоящее наступление. Верховые болота бессмысленно осушали и каналы рыли не там, где они нужны, а где было легче выполнить план по «мелиорации». В результате таких преобразований сельский ландшафт обеднел, стал однообразнее.

Некоторое новое разнообразие в среднерусский пейзаж внесли так называемые садовые (фактически — дачные) участки горожан, но они расположились в советское время не на удобных для этого полях, а, как правило, на землях необходимого

для поддержания биосферы *экологического каркаса* — на поймах, влажных западинах, лесных опушках, осушаемых болотах, малых лесных полянах, т.е. строились именно там, где с точки зрения экологии никакая застройка и даже земледелие не допустимы. Поскольку эти поселки вплотную примыкают к лесам и часто заезжают под их полог, то древостои засоряются и вытаптываются посетителями, превращаются в заболоченные свалки; «архитектура» этих поселений не вяжется с ландшафтом и местными сельскими традициями.

Третьей волной обезображивания сельской местности в средней полосе России стало строительство коттеджей, двух-трехэтажных, облицованных красными и розовыми кирпичами и плитками, — как в особых поселках, так и в деревнях на месте снесенных и сожженных изб. Эти дома, взятые по отдельности, бывают (да и всегда кажутся их владельцам) прекрасными во всех отношениях, но по внешнему виду они не согласованы, не подчинены никакому архитектурному надзору. Такое нагромождение вещей, визуально между собой не связанных, с точки зрения эстетики есть *большая мусорная свалка*. Ситуация усугубляется тем, что домовладельцы, пекущиеся о красивом малом «ландшафте» между стеной дома и забором, совершенно пренебрегают окружающим большим ландшафтом, превращают леса и обочины дорог в мусорные свалки в самом буквальном и бесспорном смысле слова.

Разнообразие и красота Земли — важнейшие ресурсы цивилизации, но связь между ними не проста и бывает даже не прямой, а обратной. Красоту порождает не произвольное разнообразие, а *гармонично-умеренное* сходство и различие, как у деревьев одного вида, листьев одного дерева, изб одной традиционной деревни.

4. Искать и находить прекрасные ландшафты нетрудно, если они расположены в известных и престижных экскурсионных местах (таких, как Архангельское, Ясная Поляна, Спасское-Лутовиново, дворцовые парки в окрестностях Петербурга). Гораздо труднее найти и открыть прекрасное в глубинке, будь то сельский

пейзаж в целом или возглавляющая его церковь, усадьба, как правило запущенная, полуразрушенная. Здесь пригодится спутник-специалист, знаток данного архитектурного стиля и соответствующей исторической эпохи; он вам поможет усилием воображения реконструировать прошлый ландшафт. К сожалению, в большинстве случаев наслаждаться красотой пейзажа невозможно без *эстетической сепарации* — мысленного отделения реликтовой красоты от прогрессирующего безобразия; для этого нужна тренировка — ее-то и дает познавательный, культурный туризм.

Ошибочно будет думать, что, облегчая доступность тех или иных памятников природы и культуры, мы увеличиваем поток ценной информации, поступающей народу. Труднодоступность посещаемых объектов делает их более ценными, а легкая доступность обесценивает. Люди высоко ценят то, что достается с трудом, с усилиями. Дорогое удовольствие ценится, если средства для него заработаны, а не получены даром. Высаживая в исторических городах и музеях многолюдные десанты из духовно не подготовленных, не учившихся в приготовительном классе культуры экскурсантов, пуская их бегать «галопом по европам», в то время как нетерпеливый шофер экскурсионного автобуса спешит доехать засветло до своей автобазы, — мы обрекаем достопримечательности на *инфляцию и девальвацию*. Это показали сорок лет туристической эксплуатации Суздаля: он наполнился чуждыми ему предметами и сооружениями, режет глаз стандартными изделиями реставрационных мастерских, теряет свою зеленую речную пойму.

Познавательный туризм — паломничество к «святыням» (почитаемым вершинам культуры), а от паломников требуются жертвы, терпение, пост. Выполняя ритуал приобщения к высокому и прекрасному, путешественники повышают духовную самооценку, возвышаются и утверждают себя в собственных глазах и во мнении значимых других людей; объединяются в группы избранных, посвященных, словно в какую-то секту. Собственно говоря, так оно и было в самодеятельном туризме

советских интеллигентов и научно-технических работников: подобием храмов были горы, реки, леса; неведомые погосты Каргополья, Прионежья, на берегах Мезени. (И не случайно впоследствии значительная часть этой публики впала в православие и путешествует с религиозными целями). Когда же к объектам туризма проводят хорошие дороги, строят многоэтажные отели, завозят шумные и пьяные компании, то местность лишается остатков *сакральности*; суммарная духовность туризма не увеличивается. На священную гору надо подниматься по узким тропинкам, останавливаясь и оглядываясь для благоговейного созерцания, а не въезжать на моторном транспорте. И эта гора, если хотите, — образ всей культуры.

Что касается чисто природных красивых ландшафтов, то у нас в России они сохранились только в горах и на равнинном бездорожье. В нашей стране частная собственность и законы не охраняют природный ландшафт. Его спасает главным образом недостаток дорог. Имеет значение не абсолютная, а *относительная труднодоступность*. Вертолет можно послать куда угодно, но мало кому доступен этот вид транспорта для повседневных прогулок и экскурсий. Привыкшие к быстрой езде по дорогам, люди не хотят ходить пешком. Пройти за день 20 — 30 км способны немногие — те, кто считает себя «настоящими туристами». У нас в Подмосковье только в середине маршрута между расходящимися из Москвы дорогами, обычно на границе административных районов, можно еще встретить бесспорно красивые уголки.

5. Творить прекрасный ландшафт. Церковные здания, помещичьи усадьбы и парки преобразили и украсили российскую землю. Можно надеяться, что и новые поколения хозяев улучшат ее вид, но пока преобладает порча. Возмущает отсутствие у застройщиков художественного вкуса. Но что такое хороший вкус? Думаю, что в поисках ориентиров допустимы два пути: 1) советоваться с независимыми архитекторами, художниками, ландшафтными дизайнерами и учеными-ландшафтоведами, не продавшимися выгодным заказчикам;

2) следовать сложившейся в данной местности (а не в России вообще) традиции. В российских городах со времен Петра I и, особенно, Екатерины II, застройщики вынуждены были подчиняться архитекторам. Помещики в деревне были формально вольны, но на деле скованы архитектурной модой, ибо красоту своих усадеб создавали не столько для себя, сколько для гостей, в чем и стремились превзойти соседей.

В средней полосе России сложились по крайней мере четыре *архитектурные традиции*, оправдавшие себя на протяжении многих десятилетий, так что при следовании им риск испортить вид местности невелик: 1) традиционная сельская народная «архитектура без архитекторов», различающаяся по *природно-культурным провинциям* (расселение валдайское, мещерское, южно-русское прибалочное и т.д.); 2) деревянная архитектура Русского Севера (желательна без утрированной художниками шаблонной «сказочности»), приемлемая в лесотаяжных районах с избыточным увлажнением, но совершенно не уместная в лесостепи и даже в ополках (рукотворных лесостепях) лесной зоны, например, вокруг Суздаля; 3) архитектура русского классицизма, попытки продолжать которую (иногда небезуспешно) предпринимались и в советское (сталинское) время; 4) архитектура деревянных дач предреволюционного периода, соединявшая, с одной стороны, русские и финские бревенчатые стены, деревянную резьбу на окнах и карнизах, купола-луковки и т.п.; с другой стороны — широкие окна, мансарды, эркеры, лоджии, многокомнатность западноевропейских вилл. Выбор богатый, но, избрав одно из направлений, надо следовать ему неукоснительно. Складывающаяся ныне пятая традиция, кирпично-коттеджная, пока не вызывает восторга, но может быть и она станет привлекательным образом для наших потомков.

Внешность культурного ландшафта в средней полосе России больше всего портят произвольные формы и углы наклона крыш и разная высота зданий. Крыши в сельской местности еще недавно (в первой половине XX в.) были строго тради-

ционными и обусловленными климатом. Существует математическая зависимость между количеством осадков и наклоном крыши, но народ нашел ее опытным путем, интуитивно, без вычислений. Сегодняшним дачникам это безразлично.

Дома в сельской местности не должны быть выше самых высоких деревьев; на это имеют право только храмы, колокольни, башни, вышки, шпили; это понимали наши предки. Высокие здания сужались кверху, их средняя часть возвышалась над боковыми частями, а главное здание над флигелями. Сегодня многоэтажные дома подавляют окружающий лес, визуально превращают его в сорную траву. Дома, похожие на коробки, шкафы, пеналы, особенно грязно-белые и серые, выглядят с самолета как кладбищенские плиты среди травы; издали город похож на кладбище или двор при мастерской надгробий. Многоэтажные дома всегда подавляют примыкающий к ним лес, не только визуально, но и физически, выбросами своих жителей, которые его вытаптывают и захламляют. небоскребы надо отделять от лесов и водоемов охранной зоной малоэтажной застройки, за нею должны простираться лесопарки, приспособленные для массового отдыха, и только за ними, гораздо дальше, может сохраниться в здоровом состоянии более или менее «настоящий» лесной массив [5].

Что касается планировки усадеб, дорожек, зелени, изгородей, то можно рекомендовать широко известное и принятое в «развитых» зарубежных странах: меньше урбанизации; подражать не городу, а дикой природе. Это значит: меньше асфальта и бетона, меньше прямолинейности, геометрии, симметрии; больше живых изгородей, прозрачности, ажурности, кривизны, неправильности форм, расплывчатости границ. Посаженные цветы должны не собираться в клумбах, а свободно рассыпаться по травяному покрову. Автомобили могут парковаться на бетонных или керамических плитах-решетках, сквозь которые растет трава. В дремучем лесу и в усадьбе около дома экологически оптимальны пешеходные дорожки, вымо-

щенные мелкими камнями, без боковых бордюров и парапетов, водопроницаемые, поросшие травой. Все речки и ручьи, даже самые узкие и временные, должны пересекать любую дорогу не по трубе, а под мостом, перекрывающим всю пойму.

Украсить землю после всего проделанного над ней надругательства трудно, испортить еще больше — легко. Чтобы уменьшить риск порчи, полезно следовать двум заповедям: 1) если не знаешь, что делать, ничего не делай; 2) если не знаешь, как делать, подражай предкам (прежним жителям данной местности).

Существуют два противоположных пути достичь желательного состояния ландшафта — *деятельность* и *воздержание от деятельности* (*благостное недеяние*). Для решения экологических задач чаще необходимо второе. Первый путь, деятельностный, понятен и желанен большинству архитекторов, всем строителям, экономистам, коммерсантам, бизнесменам, дорвавшимся до каких-то земельных угодий. Их образ мыслей и действий — *напихательство*: наполнить территорию различными объектами, собирающими толпу, приносящими прибыль и тем якобы оправдывающими затраты на урбанистическое «благоустройство» (асфальтирование, бетонирование, осушение, выравнивание, ограждение), на администрацию, охрану, прочий обслуживающий персонал, его жилища и гаражи. Между тем, с точки зрения географа и эколога, лучший архитектор тот, который ничего не построил, а отвел экологически нежелательную стройку от беззащитной природы.

Экологически безвредный туризм, когда люди ходят через природный парк по слегка укрепленным тропинкам, не пользуются на его территории капитальными сооружениями, строительным организациям и владеющим ими чиновникам не выгоден: на этом не получишь прибыли, не наворуешь стройматериалов и энергоносителей. Экологический туризм слишком прост, легок и дешев, а у нас экономика затратная и буйно расточающая ресурсы; дельцам нужны солидные программы, планы, ин-

вестиции, чтобы было к чему присосаться, было что распилить...

6. Возмущаться безобразным в ландшафте — задача наиболее проблематичная. Нет полной уверенности в том, что надо воспитывать у подростков возмущение уродливостью окружающей их местности. Ведь это негативное чувство может обратиться на людей (в том числе на соседей, односельчан, родителей, на «врагов народа», на все отечество), перерасти в социально-классовую вражду и ненависть. Типичный россиянин вот уже два столетия постоянно жалуется, что его заедает среда; это наша старейшая национальная экологическая проблема. Кто-то старается из родной среды вырваться (например, переселиться из деревни в город, из провинции в столицу, из своей страны за рубеж); многие спиваются и умирают в среднем возрасте; ничтожное меньшинство (самотверженные энтузиасты, провинциальные подвижники, безвестные «сеятели разумного, доброго, вечного») по-прежнему озобочено просветительством и тщетно старается поднять среду до своего уровня. Недовольство окружением редко приводит к кропотливой работе над собой и внешней средой; часто оно вызывает протест, бунт, революцию или побуждает к бегству, переселению, эмиграции.

В советское время широко бытовало мнение, что с безобразным и жалким видом местности надо мириться в интересах всем нам необходимого промышленного и сельскохозяйственного производства. «Хочешь кушать колбаску — терпи грязь и вонь в деревне». Но если свиноводством пахло не только в свинарнике, но и на 30% территории Московской области, то невольно думалось: неладно что-то в народном хозяйстве, а не в моих эстетических вкусах. Знаменательным символом той эпохи стал шестизэтажный свинокомплекс, где не жили, а болели и погибали отроду не видавшие зеленой травы и неба 108 тысяч свиней, выращиваемых ради водянистого сала, загрязняя округу реками нигде не используемого жидкого навоза. Не стоит жалеть, что такое уродливое сельское хозяйство рухнуло: отчасти заменилось

более рациональными агрокомплексами, переместилось из пригородов в другие зоны или возместилось потоками импортных продуктов, тоже оставляющих желать лучшего и всего лишь «условно съедобных». Актуальной остается задача превращения сельской местности среднерусских регионов, окружающих Московскую область, в неантагонистичный симбиоз дачной рекреации, сельского туризма и *экофильного* сельского хозяйства, снабжающего горожан нестандартными, местными, «экологически чистыми» пищевыми продуктами, вырабатываемыми традиционными, доиндустриальными способами. По этому пути идут некоторые европейские страны, прежде всего, Франция [4].

В красивом загородном ландшафте, помимо полей и лесов, сохраняются рощицы и перелески, залежи и пустоши, где обитает вкусная дичь; болота, изобилующие ягодами и лекарственными растениями; медоносные травы и рыбные водоемы. За живописным ландшафтом на земле следует красивый ландшафт на столе, изображаемый на рекламных буклетах и слайдах ресторанов. Безобразная и зловонная земля нас не прокормит, а выращенными на ней даже обильными урожаями только зря забьет желудки и в конечном счете отравит. По настоящему плодородна и хлебосольна лишь красивая местность.

Живописный пейзаж в густо населенном людьми регионе — не самоцель и не роскошь, а насущная необходимость, неотъемлемая принадлежность процветающего хозяйства. Красота ландшафта — это его интуитивно ощущаемая полезность для людей, в том числе духовная; полезность для биосферы, для продолжения жизни на нашей планете. Красота и польза — не одно и то же, но на земле они нераздельны. Красивый культурный ландшафт бесконечно полезен и выгоден, но нам стоит любить его не только за это.

В данной статье уделено внимание культурным ландшафтам, проблемным с точки зрения эстетики. Что касается ландшафтов «диких», практически мало измененных людьми, то они могут вызывать разные чувства, даже угнетать и пу-

гать, но вряд ли кто-нибудь считает их безобразными. Пейзажи полярных пустынь и тундр, виды «бескрайней тайги» или гор с ледниками и снежниками, вулканических лавовых полей можно ранжировать по внешней привлекательности, но не поворачивается язык называть их некрасивыми. Активными походами в такие места автоматически решаются многие задачи экологического и эстетического воспитания.

Разнообразное позитивное воспитание детей и молодежи возможно в устойчивых многолетних туристских коллективах, постепенно изменяющих свой состав при сохранении авторитетного руководства [7]

и некоторого «костяка» [2], в коллективах разновозрастных, где нет ролевой поляризации и пропасти между поколениями, так как их соединяют *возрастные посредники* — лица, одинаково близкие как младшим, так и старшим членам группы. Воспитательные цели достигаются не назидательными занятиями и уроками, а передачей личного опыта, подражанием и выполнением повседневных обязанностей, которые в суровых, порою экстремальных условиях — не игра, упражнение, процедура, тренировка, а естественный способ продолжать свой путь и не погибнуть, выжить сегодня.

Литература

1. Дроздов А.В. Основы экологического туризма: Учебное пособие. — М.: Гардарики, 2005.
2. Линчевский Э.Э. Психологический климат туристской группы. — М.: Физкультура и спорт, 1981.
3. Наука о культуре. Итоги и перспективы (Приложение к «Панораме культурной жизни стран СНГ и Балтии»), вып. 3. — М.: Рос. гос. биб-ка. Информкультура, 1995.
4. Питт Ж.-Р. Франция. — М.: Новый хронограф, 2011.
5. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера: Сборник статей. — Смоленск: Ойкумена, 2002.
6. Родоман Б.Б. Под открытым небом: О гуманистичном экологическом воспитании. — М.: Росс. гуманистич. об-во, 2004; изд. 2-е, М.: Т-во научн. изданий КМК, 2006.
7. Родоман Б.Б. Распределение ролей в неформальном досуговом коллективе. 2005. URL: <http://www.rpri.ru>
8. Родоман Б.Б. Досуг вне государства: самоорганизация походных туристов // Отечественные записки, 2005, № 6 (27), с. 206—213.